

Г Е Н К А

Последние дни месяца Генка не любил: бригада вкальвала по две смены, а ему надо было уходить в вечернюю школу. Уходить было неловко, и до самой школы Генка чувствовал спиной косые ~~ри~~ взгляды ребят.

Впрочем, входя в класс, Генка забывал все. Признаться, не уроки захватывали так его. Рядом с Генкой сидела учетчица гаража Ниночка Обухова, всегда чрезвычайно серьезная, сосредоточенная, с чуть подведенными, точнее, подчеркнутыми карими глазами.

Генке шел восемнадцатый. А Нине уже исполнилось двадцать.

Конечно же, Нина относилась к Генке слегка покровительственно, как раньше, до замужества, относилась к нему старшая сестра Поля. Иногда это обижало Генку, но долго обижаться на Нину он не умел.

Вот и сегодня, на уроке истории, когда Генка запутался в датах и чудом вылез из дебрей девятнадцатого века, а получив тройку, счастливо улыбнулся Нине, она сказала ему тихо:

— Нашел чему радоваться... Эх ты, лентяй!

И радость погасла.

Конечно, Генка мог бы рассказать, что с утра до самых занятий вкальвал на работе, что вечером долго топил печь, чтобы нагреть остывшую за день занятий комнату, согреть чаек и поужинать, а уроки готовил на работе в обеденный перерыв под стук "козла", которого усердно забивали ребята.

Но жаловаться Генка не привык. А потому обиделся и два урока с Ниной — тоже мне воспитательница! — не разговаривал. А когда химичка Калерия Ивановна, огромного роста немолодая девушка, которую они звали между собой "Большой калорией", замучила Нину, заставив исписать всю доску длинными и

тоскливыми формулами, Генка испытал даже чувство злорадства.

Но Обухова получила все же "четыре" и с достоинством вернулась на место.

Весь последний урок Генка косил глазами в сторону Нины, пока та не повернулась к нему:

— Гляди-ка в тетрадь. Я ж не доска классная.

Генка покраснел. Глубоко вздохнул: что верно, то верно — на доске математик писал объяснение новой ~~реш~~ задачи.

А соседки сзади, две подружки Тоня и Таня с ГПЗ, засмеялись тихонько:

— Ой, ^Ниночка, ты ему и доска, и тетрадь, и свет в окошечке...

И тогда Генка внезапно вскочил, пробежал к двери и под крик изумленного, ничего не понимающего математика: "Вернитесь, молодой человек! — умчался в коридор. В вестибюле он схватил пальто и шапку, выскочил на крыльцо.

Ветер сразу остудил его. На минуту захотелось назад, в класс.

Но хватит! Дело сделано: с Ниной покончено, в школу он больше не пойдет. Никогда. Точка!

И Генка зашагал в сторону дома, все больше распаляя себя воспоминанием о шуточке одноклассников, о снисходительной Ниной улыбке и о своей незадачливой судьбе...

Следующий день был для бригады особенно тяжелым: отладка приборов требовала времени и терпения, а тут еще ^{КОНТРОЛЕР} ~~МОДИФИКАТОР~~ вернул на дополнительную регулировку несколько приборов, план трещал по швам.

Романыч, бригадир, торопил ребят. Прибегал несколько раз начальник цеха и уговаривал Романыча ускорить дело.

Из конструкторского и технологического бюро прислали на помощь инженеров и те неумело, но старательно закручивали гайки, подносили сборщикам детали и вели стендовую проверку приборов.

В четыре часа, когда окончилась смена, никто не ушел: оставалось еще двенадцать приборов, и бригада продолжала работать быстро и ритмично.

Романч, проходя мимо Генки, одобрительно хмыкнул:

— Молодец! Не ушел — таки... Ну, ничего, наверстаешь.

Генка работал и думал. Думал о Нине. Потом его мысли повернули сами собой к школе, привели его в класс, где сейчас шла двадцатая, нет, двадцать шестая минута урока русской литературы, и, следовательно, добрая близорукая Лия Яковлевна, размахивая маленькими ручками, все больше увлекаясь и увлекая класс, поблескивая огромными непостижимо черными глазами, начала рассказывать новый материал.

Генка ощутил какую-то невольную тоску: как же быть дальше?

Он оторвался от панели прибора. Подошел к дружку — Косте и вдруг попросил у него сигарету.

"Зуб болит..." — наивно соврал он, когда Костя удивленно посмотрел на него: всей бригаде была известна торжественная Генкина клятва никогда не курить.

"Понимаешь, очень болит..." — добавил Генка.

Костя понимающе кивнул. И они пошли в курилку. Курили минут пять — на большее времени не хватило. Стряхнув пепел с полы без белого халата, Генка вернулся к столу и продолжал работать.

Думал он теперь об отце. Отец не случайно вспомнился ему: однажды, в далеком седьмом классе, когда, накурившись до одурения, Генка, желтосизый, явился домой, отец выдрал его, впервые в жизни выдрал. И взял слово не курить: сам он уже тяжело

болел, и врачи связывали мучительный кашель с неизменной отцовской трубкой.

Вот уже год, как нет отца. Мать свою Генка вообще не помнил: она, как и отец, партизанила в войну и последствия тяжелого ранения стали причиной ее ранней смерти. Генке тогда было три года.

И растил его да Полю отец.

Отец никогда не пил, не ругался. С работы напрямик шагал домой, по дороге забегал в магазины, а потом забирал детишек из продленки.

Вечерние чаепития и беседы с отцом навсегда врезались в Генкину память.

Генка вспомнил, как обещал отцу учиться... И вот, надо же, приходится ~~принять~~ все бросить.

В поддесятого последний прибор был принят ~~вспомогателем~~ ^{Контролером}. Впрочем, ни радости, ни подъема никто не ~~испытал~~ : слишком устали.

Романыч объявил:

— Всем завтра отгул!

И как обычно, добавил:

— Но не загул.

И все засмеялись. Просто оттого, что завтра удастся выспаться и отдохнуть....

Генка прошел проходную и зашагал, ссутулясь, к трамвайной остановке.

Внезапно кто-то дернул его за рукав. Он оглянулся: Тоня! Одна из тех подружек.

— Чего тебе? — удивленно и нарочито грубо пробасил Генка.

— Вот портфель твой принесла, — как-то робко проямлила Тоня, — возьми...

Ветер швырнул в лицо снег, и Генка заметил, что Тоня дрожит.

И вместо "очень нужно!" он спросил:

— Ты что, давно ждешь?

— Не-е, час, может, полтора. Ты на нас с Танькой обиделся, да? Так мы же не хотели... И вообще...

— А чего тебе? Обиделся, не обиделся... Чувствительные какие! Тебе на трамвай? Ну, бежим!

Они добежали до остановки и вскочили в трамвай. Вагон дернулся, застучал. Замерзшее окно задней площадки было непроницаемым и нарядным.

Тоня повторила:

— Обиделся... Так мы ж не хотели. А чего в школу не пришел Математик спрашивал. И Лия Яковлевна тоже...

Генка отвернулся.

Тоня обошла его и заглянула ему в глаза:

— Ну, не будь же глупым. Это же ты не из-за нас, из-за Нины, правда?

На глазах ее выступили слезы. Она как будто ждала решения чего-то важного — так напряглась, так ~~взвизгивала~~ испытывала лицом, глазами, рукой, которая непроизвольно гладила Генкину руку, всем своим существом ответ.

Генка увидел на Тониных глазах слезы и вздрогнул: "Чего это она?" И тут же подумал: "Во прицепилась!"

Тоня ждала с нетерпением, повторяя:

— Из-за Нины, да?

— Нужна мне очень твоя Нина! — неожиданно для себя само

го выпалил Генка.

Тоня засветилась. Но тут же честно сказала:

— Нина же симпатяга. Только тебя не любит нисколько...

Генка опять отвернулся к окну. И снова Тоня обошла его и протянула бумажку:

— Вот здесь уроки записаны...

Вагон остановился, пронзительно заскрипел. Дверь со вздохом открылась. И Тоня выскочила, не прощаясь, из вагона.

Генка хотел выбросить бумажку, но зачем-то сунул ее в карман.

Утром Генке проснулся от ощущения ~~наблюдения~~ холода. Холод проникал под одеяло и, хотя Генка натянул одеяло на голову, спасения не было.

Открыв глаза, Генка зажмурился от ослепительного света, бывшего прямо в лицо.

" Солнце! — обрадовался он. А потом уже понял, что ветер распахнул окно. Он вскочил, подбежал к окну и с треском захлопнул раму.

А через час, жарко натопив печку, напившись ароматного чая с вареньем — подарок Поли — Генка вспомнил о школе, потом о Нине и Тоне.

— Итти? Не итти?

И снова подумал об отце.

И пошел... в кино.

И выстоял в очереди, поражаясь, сколько бездельников / студенты, что ли? Или молоденькие пенсионеры? / стоят перед ним в это рабочее время.

Расплачиваясь за билет, достал из кармана бумажку.

Уже в вестибюле развернул:

— Математика. Задачи 540, 542. Литература: наизусть вступление к поэме "Во весь голос"...

Весь сеанс Генка вертелся ужом.

Он вспоминал Тоню, слезы на ее глазах.

И с радостью подумал: " Неужели?... "

Домой он мчался, как спринтер. Оставалось два часа до начала уроков.

Генка быстро решил задачи. И выучил легко и незаметно звонкие строки Маяковского.

Так же бегом несся он в школу. Взлетел по лестнице, вбежал в класс и тихо сел рядом с Ниной Обуховой.

И заметил, как вспыхнула и опустила голову Тоня...

Нина повернула голову, как всегда аккуратно причесанную:

— Пришел? А вчера болел, что ли?

— Болел. Да вылез! Доктор нашелся отличный. Спасибо...

А " доктор " счастливо улыбалась.